

Кузнецова Алина

Полночное солнце

16+

Алина Кузнецова Кузнецова

Полночное солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48480524

SelfPub; 2019

Аннотация

Немного найдется людей, готовых сказать: «Я люблю Арктику и хочу жить там!» Главная героиня, девушка 24 лет, расскажет всему миру, как этот суровый край завоевал ее сердце. Ее глазами мы увидим, как ледяная пустыня превратится в одно из самых красивых мест на планете, как холодный заполярный остров станет почти родным. Мы узнаем, как, несмотря на все препятствия и трудности, в совершенно чужом краю найти друзей, преодолеть страхи, с честью пройти все испытания и раскрыть в себе новые черты характера. Эта правдивая история покорила читателей своей искренностью, оптимизмом и верой в жизнь.

Turpe est non ire, sed ferri. Стыдно не идти, а плыть по течению.

Лат. пословица

Посвящается всем тем, кто ещё не разучился мечтать

Предисловие

Никакая история, рассказанная не с начала, не может считаться полноценной, поэтому вот начало моей собственной истории, правдивой и невыдуманной.

Лет в 15 я впервые попала на Север, и с тех пор мне не нужно было ничего так же сильно, как вновь очутиться там. В 16 я снова оказалась в этих краях. Шли годы, я росла, мои маршруты росли вместе со мной. К окончанию университета я побывала в Карелии, Хибинах, на Соловках, полуострове Рыбачий, острове Кильдин и Чукотке. Есть красивая легенда, что каждый человек родился не там, где должен прожить свою жизнь, свою настоящую родину ему лишь предстоит отыскать, и если он найдёт её, то будет вечно счастлив. Некоторые находят, некоторые находят счастье в самом пути, а кто-то вынужден всю жизнь прозябать там, где он несчастлив. Когда я впервые попала на Север, то поняла – вот она, моя большая малая Родина. Это место, к которому я буду стремиться всю жизнь, не зная в разлуке ни покоя, ни счастья.

Меня зовут Алина, я родилась в Москве, но однажды я решила и изменила всю свою жизнь, отправившись с сестрой работать и жить на полгода по контракту в один малень-

кий шахтёрский посёлок. За этот промежуток времени много чего пыталось убить мою мечту и убедить меня, что мои чувства к «приёмной» малой Родине – это всё романтическая блажь. Не вышло. Поэтому я хочу рассказать свою историю, чтобы и остальные не сдавались и не предавали себя и Арктику.

Глава 1 Внезапное исполнение мечты

Орешко откинулся в кресле и провёл ладонью по столу.

– Та-ак, хорошо... Хорошо... Это мы обсудили. Резюме у вас прекрасные, вы идеальные кандидатуры для нас. Главное ведь что? Вы молодые, вам всё по плечу, вы со всем справитесь. Да и потом вы вдвоём. Хорошо-о...

На дворе стоял конец декабря, город окунулся в предновогоднюю суматоху, Орешко явно устал и с нетерпением ждал заслуженного отдыха. На его мясистом лице грустно поблёскивали огромные бульдожьи глаза. Он был мужчиной крупным, но с каким-то необычайно тонким голосом, который категорически с ним не сочетался. Я сидела в его кабинете в деловом костюме, как и положено на собеседованиях, смотрела на Орешко, верила и в то же время не верила: скоро я буду жить в Арктике. В углу стояла высокая наряженная ёлка, такая же чужеродная в этом казённом помещении, как тонкий голос Орешко.

– Вы же на полгода сначала? Это правильно, а там понравится – и на полярную ночь задержитесь. У меня в памяти она как осталась? Иду я по улице, и вокруг всё чёрное, а пе-

редо мной оранжевый фонарь будто в воздухе застыл. И не видно ничего вообще, кроме этого фонаря. Как в космосе...

Орешко травил байки ещё около часа, и, когда мы вышли на улицу, совсем стемнело. Снег, который окончательно лёг в тот год ещё в ноябре, искрился под ночным фиолетовым небом, в витринах мигали разноцветные гирлянды, люди сновали туда-сюда по улице. Нам с сестрой Сашей не хотелось домой и мы долго блуждали по Москве, заглядывая в праздничные витрины.

Вообще всё началось немного не так. Несколько месяцев назад, вернувшись из очередной экспедиции по Чукотке, мы поняли, что пора что-то менять, связались со школой в чукотском посёлке Провидения и напросились туда работать. Брали нас туда с одним условием – ехать надо минимум на три года. Это было страшно, но мы согласились и даже начали было собирать вещи, как вдруг дождливым осенним вечером нам на глаза попалось другое объявление: директор школы в арктическом посёлке ищет учителей, контракт длится всего-то полгода. Недолго думая, мы написали директору (точнее, директрисе), совершенно не надеясь на ответ, ну а уже через сутки мы договорились о собеседовании. Прошло оно вполне удачно, вопрос теперь стоял за начальником отдела кадров. Потянулись долгие, томительные недели ожидания, прошёл месяц, другой, наступила зима, а звонка от него всё не было. Параллельно с этим нам звонили с Чукотки, требуя ответа, когда мы приедем – мы тянули, как

могли. И вот, в двадцатых числах декабря мне позвонили.

– Говорит Орешко, начальник отдела кадров, – произнёс странный тонкий голос. – Мне необходимо с вами встретиться.

На следующий день мы сидели в офисе треста и слушали рассказы Орешко. А послушать было что, и про комфортную отапливаемую квартиру, и истории вроде «да, белых медведей на архипелаге и правда больше, чем людей, но в посёлки они не заходят и на людей не нападают, разве что очень редко, но это ж голову свою на плечах надо иметь». Из офиса Орешко мы вышли глубоким вечером и с не вполне внятным ответом: нас уже взяли на работу директор школы, начальник отдела кадров, оставалось получить подтверждение со стороны генерального директора компании. Последний мог как взять нас, так и отказать. «Да это ж сколько людей мечтает быть на нашем месте? — рассуждали мы с Сашей. – могут ведь и не взять». Наступил Новый год, январь, февраль... Тишина. Наконец, утром седьмого марта, когда надежда еле теплилась, на моём телефоне раздался звонок. В трубке я услышала знакомый голос:

– Алина Игоревна? Ваши с Александрой кандидатуры утвердили, вы едете в Арктику. Поздравляю. Вылет 27 марта, жду вас в ближайшее время на подписание контракта. Вы будете работать помощником воспитателя детского сада, а Александра – учителем начальных классов.

– П-помощником? Погодите, кажется, речь шла о воспи-

тателе или об учителе английского...

– Да не переживайте. Как приедете, сделаем воспитателем. Дети у нас очень хорошие, воспитанные, замотивированные, учиться хотят, ну а вы что? Молодые, бояться нечего, к тому же я тут на днях связывался с руководителем местного турбюро, так вас и там ждут. Летом придётся вам ездить по всяким морским экскурсиям.

Это было странно. Но любовь к Арктике оказалась сильнее, так что вскоре мы подписали контракт и начали готовиться к отлёту. Весна в Москве была в самом разгаре, на деревьях набухали почки, ярко-голубое небо сияло каждый день с утра до вечера, снег к этому времени почти растаял, и все ходили по улице в лёгких куртках и ботинках. Окружающие посмеивались: обычно, если уж летят, то из зимы в лето, а у нас наоборот. Ну и пусть: впереди ждало незаходящее полярное солнце, птичьи базары, ледяные брызги моря и синие горы на горизонте. Ночами я закрывала глаза и представляла уютный посёлок на берегу арктического моря, небольшую школу с умными, добрыми детьми и свою жизнь, которая наконец-то повернула в нужное русло.

Последние две недели перед вылетом пронеслись галопом: мы с Сашей пытались срочно продумать тысячу мелочей, которые могли бы пригодиться нам на новом месте. Например, пришлось быстро докупать чайник, сковородку, полотенца, ещё директор школы сообщила нам, что в посёлке проблемы с посудой, да и термобелья внезапно оказалось

недостаточно. Мы лихорадочно каждый день пересматривали фотографии посёлка, следили за погодой там, а вечерами, падая на подушку без сил, я уже видела широкую улицу, вымощенную бетонными плитами, я кие красно-бежевые здания и горы, покрытые снегом.

Наш знакомый, узнав, что мы едем в Арктику на целых полгода, с радостью вручил нам переносную автономную метеостанцию. Ему это нужно было для научных статей.

– Это небольшой чемоданчик, совсем маленький. Вы его только в белую краску покрасьте.

– Зачем?

– Ну, все метеоприборы должны быть белого цвета.

– А твой прибор почему чёрный?

– У производителя белого цвета не было.

«Небольшой чемоданчик» нам доставили прямым из Санкт-Петербурга как раз накануне вылета. Вообще говоря, он был вовсе не «небольшой», весил 8 килограммов, да и напоминал полумифический ядерный чемодан. Даже зловещая красная кнопка имелась.

– Вы просто учёным отдайте его и забудьте на полгода, вы летите с Сергеем Кашиным, он поможет. Вот. Потом обратно только привезите. Ну, я пошёл? – и наш знакомый на долгие месяцы растворился в московской толпе.

...Последний вечер решено было провести на крыше «Детского Мира». Со всех сторон на нас смотрела своими старинными окнами вечно бодрствующая Москва. Внизу ха-

отично и беспорядочно в ожидании надвигающейся весны шли люди: офис-менеджеры, неработающие матери, развёсёлые, чуть выпившие студенты, академики и профессора, зазевавшиеся туристы, одинокие влюблённые. Им нет до меня ровным счётом никакого дела, они никогда не узнают, что в этот тёплый мартовский вечер с крыши «Детского Мира» на них смотрела я. Когда солнце совсем скрылось из виду, я прощальным взглядом окинула Москву. Город, в котором я выросла. Город, в котором я, надеюсь, стала человеком. До свидания, Москва. Какой ты будешь, когда я вернусь? Да и какой буду я?

Глава 2 Через тернии к сугробам оленям

В утро вылета погода, по закону подлости, заметно испортилась: мокрый снег комьями падал с неба, а в какой-то момент пошёл ещё и дождь. Оно и к лучшему, потому что из такой серой и неприветливой Москвы хотелось сбежать поскорее.

В родном Домодедово, несмотря на раннее утро, царили хаос и суета, сновали толпы людей с рюкзаками, чемоданами, баулами... «Людочка! Позвони, как приедешь! Целуй маму!», «Витя, ты ничего не забыл?», «Когда вы приземляетесь?» – смачные звуки прощальных поцелуев, вскрики, топот... В этом гуле мы спокойно сдали багаж, спокойно прошли к выходу и спокойно засели в самолёте, как вдруг:

– Меняем борт, а то багаж не влезает, – объявил пилот.

По салону прокатился полный страдания стон: ранее утро,

все не спали, устали, слякоть за окном, только расслабились, и тут опять надо совершать разные телодвижения, и эта возня часа на два минимум. Был в ситуации и плюс: ничто так не объединяет людей, как общие страдания, а чувство единения было очень кстати, потому что толпа желающих попасть в Арктику собралась крайне разнопёрая. Тут были и учёные, и шахтёры Донбасса с жёнами и детьми, и этих детей нам предстояло учить.

В зале ожидания мест не оказалось (естественно), поэтому мы притулились у колонны, пытаясь дозвониться родителям и сообщить, что рейс задерживается. Я незаметно оглядывалась по сторонам: около нас стоял высокий, подвыпивший шахтёр. Он громко и заразительно смеялся, а чуть позже подошёл к нам и представился:

– Николай, из Луганска. А это вы учительницы? А-а-а, так я сразу так и подумал. Вас в хороший дом поселят. Мне уж в офисе сказали, что меня туда не поселят, потому что две учительницы едут – вы, значит. Ой, да шо там, не извиняйтесь! Нема вопросов, я в этом посёлке уже который год, всё там знаю. Вы будете, значит, в «двадцатьдевятке» жить, это Рублёвка местная, на отшибе стоит, идти оттуда далеко – минут десять.

Николай впервые попал в посёлок в 2013 году. Сначала ему там нравилось, но потом, когда на Украине началась война, он стал ездить по необходимости: дома, говорит, работы нет совсем, а для работы в России нужно либо гражданство,

либо вид на жительство. Вот и приходится ему ездить в надоевшую Арктику. Посёлок он знает хорошо, по всем вопросам, касающимся быта, можно смело к нему обращаться: поможет, расскажет и подскажет, ведь иначе в Арктике трудно. Тут надо жить по правилу «Человек человеку друг, соратник и брат», говорит. Что ж, это ободряет.

Посадка, четыре часа полёта, под нами показались острые, покрытые снегом горы архипелага, и внутри всё тонко-тонко задрожало от восторга. Вот она, моя арктическая жизнь. Началась!

По пустому аэропорту медленно бродили люди. Выдача багажа, как во всех небольших городах, сильно задерживалась, делать было нечего. Толпу явно можно было разделить на группы: вон в углу в больших красных и зелёных куртках стоят учёные, вот шахтёры вернулись из отпуска и теперь радостно приветствуют тех, кто в отпуск только собирается. У приехавших в пакетах дьюти-фри призывно звенят бутылки: в посёлке установлен лимит – в месяц не более литра водки и не более двух килограммов сахара на человека. Всё это можно купить только по специальным талонам, которые выдаются каждому на месте.

Мы, наконец, стащили свои неподъёмные чемоданы с ленты и стояли в раздумьях, когда к нам подошла высокая молодая женщина. Это была директор школы.

– Ну как добрались, всё хорошо? У нас тут, видите, зима

ещё всюду, а я в отпуск еду на пару недель. Вы, главное, не пугайтесь там ничего, коллектив у нас непростой. Если что-то понадобится – обращайтесь к Софии Михайловне, она завуч, сейчас в школе за главную остаётся. О, вот и по вашу душу! Ну, ладно, удачи ещё раз, я побежала, регистрация на рейс началась!

В здание аэровокзала вошёл высокий темноволосый человек, на вид около пятидесяти лет, среднего телосложения, с первого взгляда ничем не примечательный. Хотя, погодите, глаза у него какие-то особенно глубоко запавшие, да и лицо походило на череп, обтянутый желтоватой кожей... «Завхоз!» – прокатился по аэропорту шёпот, и разнопёрая толпа как-то притихла и поникла.

– Уважаемые вновь прибывшие и вернувшиеся из отпусков! Прошу уделить мне ваше драгоценное внимание! Для тех, кто в первый раз, поясню: в посёлок летим на вертолёте, вещи берём с собой. Сейчас я буду озвучивать, кто каким бортом летит. После того, как я озвучу, все ОСТАЁМ-СЯ НА СВОИХ МЕСТАХ, не разбегаемся никуда, я не буду потом бегать и искать вас. Добирайтесь потом сами, как хотите. Так, далее, когда вы прилетите, вас заберёт автобус и развезёт по домам, там же вам выдадут специальные карточки, которыми вы будете расплачиваться во время пребывания в посёлке. Ну что, первым бортом летят...

Когда мы подходили к вертолёту, таща тяжёлые чемоданы, нас чуть не сдул сильный ветер. Подходить пришлось со-

гнувшись и низко опустив голову, далее – 15 минут полёта и мы приземлились в непонятном месте среди сугробов и заснеженных гор. Справа чернел незамерзающий чёрный фьорд. Казалось бы, картина суровая, но почему-то именно чёрные воды и заснеженные горы спугнули остатки страха, прицепившиеся ещё с Москвы: да я же всё-всё смогу, когда рядом такая красота!

Сразу с вертолёта всех погрузили в автобус, выдали обещанные карточки и повезли по дороге к посёлку. Нас с Сашей высадили у большого бежево-розового дома с двумя подъездами. Некоторое время мы стояли там, дрожа от холода (на улице стоял крепкий мороз, а мы были в осенних пальто), и не знали, в какой из подъездов нам заходить. В итоге решили зайти в ближайший, где сразу наткнулись на какую-то женщину в тёплом свитере и ватных штанах. Она что-то долго-долго говорила, что она, мол, комендант, и что нам надо подписать какие-то бумаги, и что она зайдёт к нам позже с постельным бельём и ещё чем-то... Главное, что она вручила заветный ключ с биркой «49».

– Идите прямо, ваша квартира во-о-он в том конце, как раз напротив моей.

Выяснилось, что весь дом, оказывается, можно пройти насквозь. По пути мы встретили улыбчивого мужчину в тёплых красных штанах и свитере.

– Михаил, школьный математик, – бодро отрапортовал он и сразу взял наши чемоданы.

Мы зашли в квартиру и оказались в небольшом, но весьма просторном коридоре. Дверь спереди вела в маленькую и довольно бесполезную комнату, ещё одна дверь – в большой санузел и ещё одна – в спальню-гостиную-кухню, эдакий 3 в 1. Математик откланялся, мы задумчиво попили чай, посмотрели в фиолетовые сумерки и легли. Ночью мне снилась хорошо знакомая улица с разноцветными пятиэтажками, я шла по ней, пока не упёрлась в синее здание, на котором белыми буквами было написано «Новомариинский». «Постойте-ка, это Анадырь, но ведь я не там», – подумала я и резко подскочила.

В окно пробивался яркий луч солнца, на улице, несмотря на ранний час, было совершенно светло. Саша всё ещё спала, и вся квартира погрузилась в прозрачную звенящую утреннюю тишину. Сначала я просто лежала, рассматривая своё новое жилище: вся квартира была оклеена белыми с крупными цветочками обоями, вдоль стен стояла недорогая мебель цвета ореха – стулья, шкафы и большая кровать, которая упиралась прямо в небольшой стол, накрытый белой скатертью, посуда только та, что приехала с нами из Москвы, провода холодильника и микроволновки вытянулись по полу в безуспешной попытке дотянуться до розетки в стене.

А ещё утренняя тишина была ледяной. Из-за очередной аварии на ТЭЦ в дома плохо подавалось тепло. Чуть тёплая вода лилась из крана, смеситель в ванной, скорбно крякнув накануне, и вовсе отказался работать. Вечером мы даже хо-

дили в пуховиках. Но это казалось нам такими мелочами, ведь всё вокруг выглядело ужасно интересным, новым, и нам не терпелось поскорее начать тут жить.

Саша, наконец, проснулась, и мы, дрожа от холода, сели пить чай. Мимо нашего окна гордо, насколько это позволяла его полная неуклюжая фигура, прошёл олень. За ним ещё один, и ещё. Сейчас, без рогов, они напоминали толстых волосатых коров с небольшими, вечно удивлёнными глазами. Поразительно, как только они умудряются добывать себе скудный корм из-под огромной толщи снега и при этом оставаться такими упитанными!

Выпив чая и налюбовавшись оленями, нам пришлось выбраться из дома и отправиться на исследование посёлка, который накануне мы почти не видели.

Наша знаменитая «двадцатьдевятка» и правда стояла на отшибе, в отдалении от остальных зданий, как и обещал вчерашний шахтёр Николай в аэропорту. Прямо около дома был довольно глубокий овраг с сугробами выше моего скромного роста, и пройти там было нельзя. У крыльца висел график уборки снега: предполагалось, что жители каждой квартиры в определённый день должны очищать ступеньки крыльца от снега. Наша квартира, согласно графику, должна была это делать каждое девятое число.

Мы вышли из дома и позвонили Николаю. В девять часов у всех вновь прибывших намечалось собрание в каком-то здании, и надо было подписать обходные листы, но мы по-

нятия не имели, где всё это находится.

В 8:55 мы приблизились к красно-бежевому зданию и поднялись на крыльцо. «Административно-бытовой комплекс рудника» – гордо гласила чёрная табличка у двери. Для краткости – АБК. Несмотря на красивую обшивку, внутри законсервировались настоящие 1990-е. Бесконечно длинные обшарпанные коридоры вели в разные стороны, иногда пересекаясь друг с другом, по ним бродили люди в толстых синтепоновых штанах, в руках у некоторых были какие-то бумажки, коробки, а в конце коридора в белом халате, со шваброй в руках прохаживалась уборщица. Трудно сказать, чем она была занята, но только не помывкой пола! Николай ловко лавировал из коридора в коридор, из кабинета в кабинет, пока мы не уткнулись в толпу людей. Почти все они были шахтёрами, приехавшими вчерашним чартером. В руках у каждого были обходные листы.

– Надо же, у вас такие же! Зачем вам-то в ламповой подпись ставить? Тю-ю-ю, и в бане тоже! – рассмеялся какой-то пожилой шахтёр с аккуратной окладистой бородкой. Рядом с ним стоял абсолютно круглый человек в чёрной с мелкой синей полоской шапке. Под глазами у него были серо-жёлтые мешки, почти идеально круглые, как и он сам.

– Первый раз? Я тоже. Если понравится – продлюсь ещё на полтора года.

– А вы же учительницы, да? – вновь насел первый. – Ну и как вы учить будете? Я сюда семью планирую выписать, мне

это всё надо знать!

К счастью, этот разговор пришлось прервать, потому что наступила наша очередь ставить подпись, и, когда мы вышли из кабинета, нас ждал спасительный Николай.

– Пошли быстро в ламповую, потом в баню, а там на собрание.

Спускаясь по бесконечным жёлтым вытертым лестницам вниз, мы попали в тёмное, неприятное помещение. Стены были выкрашены в тёмно-зелёный цвет, но из-за практически полного отсутствия света этого не было видно. В стене зиял натуральный пролом, перегороженный чёрной металлической решёткой, посреди которой образовалось что-то вроде окна раздачи. За ним стояла женщина лет 40 с пережжёнными осветлителем соломенными волосами. Чуть полную фигуру обтягивала бойкая розовая флисовая кофта и синтепоновые штаны, довершало картину удивительно приятное и мягкое лицо. После того как она подписалась в обходных листах, мы отправились в баню путаными тёмными лабиринтами, в которых запутался бы сам Минотавр, вдобавок проходящими через мужскую раздевалку (мы смутились, а вот шахтёры, её заполонившие – отнюдь) они привели нас в очередную комнату к монументальной барышне с причёской «а-ля Раневская», россыпью ярко-жёлтых колец и белым халатом.

– О, Коля приехал. Надолг'а? – спросила она с характерным украинским «хэканьем». Впрочем, тут, в посёлке, оно

весьма распространено и так переплетено с русским языком, что к этому быстро привыкаешь. – Девочки, а вам зачем моя подпись? Вы же в школу. Ладно, распишусь.

И откуда все знают, что мы в школу приехали работать? За- гадка...

Собрание проходило в просторном коридоре, куда натаскали стульев. Сначала выступал маленький круглый человек. Говорил он долго, заковыристо, прикрывая от важности глаза и драматично вздыхая посреди фраз. Из его речи мы уяснили, что в посёлке нельзя пить. Но, если мы уж решили выпить, то надо хотя бы выключить плиту. К туристам на улицах нельзя приставать и просить их выменять какие-то вещи. Лучше вообще обходить их стороной, да. А вот здороваться надо, причём со всеми. Кстати, всем в магазине промтоваров желательно купить ледоступы, иначе произойдёт «оскольжевание». Если все перечисленные правила не будут соблюдаться, то ваш покорный слуга-оратор лично «порвёт трудовой кодекс». Интересно, как он это сделает своими маленькими пухлыми ручками? Я даже начала представлять сие действо в красках, но полёт воображения провал вчерашний завхоз из аэропорта. То ли от того, что я была настроена смотреть на всё исключительно с положительной точки зрения, то ли ещё почему, но он показался довольно приятным мужчиной, хоть и угрожающе властным местами.

После собрания пришлось посетить местную больницу,

где нам лишний раз напомнили о запрете пить и буяннить, и главврач, похожий на большой и косматый знак вопроса, за чем-то многозначительно изрёк: «А математик тут всем двоек понаставил. Все страшно им недовольны».

Оставалось главное место для нас в посёлке – школа.

Глава 3 Ожидания и реальность

О, школа, царство двоек, детских слёз и невыспавшихся людей. Надо сказать, в школе я уже проработала несколько лет, репетитором – ещё больше. И о подростках я знаю, пожалуй, всё. Только вот тогда мне это не помогло.

Дело в том, что школа на руднике совмещена с детским садом, в котором я должна была работать. Перспектива взаимодействовать с такими маленькими детьми меня, честно сказать, пугала, потому что я раньше никогда ничего подобного не делала. Более того, после разговора с директором школы и товарищем Орешко в Москве у меня создалось смутное впечатление, что я буду работать не в младшей или старшей группе, а в детском саду вообще. Неопределённости добавляла подпись «помощник воспитателя школы-детского сада» в моём контракте. Представьте, какая каша творилась у меня в голове на момент приезда в посёлок: я приехала работать «в сад вообще», понятия не имела, что надо делать с детьми, мозг мой распух от наставлений и назиданий более опытных товарищей, оставшихся, как назло, в Москве. Хотя есть что-то мотивирующее в таком хаосе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.